

В-третьих, исходя из ранее изложенного, можно отметить, что процесс пресечения посягательства с помощью технических устройств контролируется обороняющимся лишь опосредованно, и он не всегда может присутствовать при этом посягательстве. Это представляет собой серьезную общественную опасность: не контролируется «сила» обороны и круг лиц, которым можем быть причинен вред. Так, например, если от удара молнии загорелся дом, а соседи, пытаясь потушить пожар, пострадали от установленных в доме технических устройств, то должен ли подлежать уголовной ответственности хозяин дома? В данном случае его действия изначально представляют опасность. Как представляется, сам факт установления технических средств является более опасным, чем, например, незаконное ношение оружия, поскольку лицо контролирует необходимость его применения.

Таким образом, рассмотрев данные положения, можно заключить, что: 1) причинение вреда по неосторожности при использовании технических устройств как средства необходимой обороны должно исключать уголовную ответственность; 2) необходимо запретить под угрозой административного взыскания установление таких автоматических средств, которые могли бы быть опасными для жизни; ввести уголовную ответственность за это же деяние, но совершенное в течение года после наложения административного взыскания.

Виноградова Е. С.

ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ ОПАСНОСТИ ОТ ИМЕНИ ДРУГОГО ЛИЦА: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

*Виноградова Екатерина Сергеевна, магистрант 1 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
ekatirina.vinogradova12@gmail.com*

Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

В последнее время особую актуальность приобрело такое деструктивное поведение, как сваттинг, представляющий собой заведомо ложное сообщение об опасности, в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий. Анализируемое социальное явление может проявляться по-разному. И одной из таких разновидностей является заведомо ложное сообщение об опасности от имени другого лица.

Так, рассмотрим практическую ситуацию: у девушки произошел конфликт с молодым человеком, с которым она познакомилась в сети Интернет. Чтобы запугать свою собеседницу, парень пригрозил заминировать от ее имени торговый центр. Однако девушка решила действовать на опережение: она решила найти зарубежного исполнителя, который от имени ее обидчика согласился позвонить в одно из белорусских ведомств и сообщить о заложенной бомбе. После получения вознаграждения исполнитель предоставил девушке подтверждающую аудиозапись.

В описанной выше ситуации правоохрнительными органами действия девушки были рассмотрены по ст. 340 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Однако возникает вопрос: не нарушаются ли в вышеописанной

ситуации иные охраняемые Уголовным кодексом Республики Беларусь отношения, такие как отношения, гарантирующие конфиденциальность информации о частной жизни и (или) персональных данных, которые охраняются ст. 203¹ «Незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных». Часть 2 рассматриваемой статьи предусматривает ответственность в том числе за умышленное незаконное распространение персональных данных другого лица без его согласия, повлекшее причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина. При этом, исходя из положений Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», к таким сведениям относится информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано (например, фамилия, собственное имя, отчество, дату рождения, идентификационный номер, геолокация и иные сведения). А распространением таких данных являются действия, направленные на ознакомление с персональными данными неопределенного круга лиц.

В описанной выше ситуации, действия лица, которое сообщает заведомо ложную информацию, направлены на то, чтобы субъект, принимающий такую информацию, был убежден в том, что с ним разговаривает и, соответственно, сообщает информацию лицо, от имени которого ведется разговор. Для убеждения принимающего информацию субъекта лицо старается сообщить такой набор сведений, с помощью которого можно было идентифицировать конкретное лицо и, чтобы в итоге все это повлекло для него негативные последствия (например, в виде привлечения к ответственности). Иными словами, лицо, которое сообщает заведомо ложное сообщение об опасности, не пытается анонимизировать субъекта, от имени которого идет сообщение данной информации, а наоборот, совершает диаметрально противоположные действия.

Стоит учитывать, что рассматриваемый состав преступления является материальным, следовательно, преступление считается оконченным при наступлении последствий в виде существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина (в нашем случае от имени которого ведется разговор). «Существенный вред» является категорией оценочной. И, на наш взгляд, в описанной ситуации можно вести речь о причинении такого вреда. Наличие существенного вреда в данном случае может подтверждаться тем, что в результате нарушения конституционного права на защиту персональных данных совершается иное преступление.

При этом, когда в ведомство сообщается информация о заведомо ложной опасности, лицо, от имени которого велся диалог, может претерпевать негативные последствия, например, социального характера (осуждение, нежелание общаться с этим лицом со стороны других лиц и иное), что, в свою очередь, может влечь негативные последствия психологического характера. Как правило, случаи сваттинга пользуются особым общественным интересом, что может повлечь в том числе определенные нравственные страдания у лица, от имени которого сообщалась заведомо ложная информация об опасности. Иными словами,

из-за нарушения конфиденциальности персональных данных лица, чьи персональные данные использовались при этом, испытывает на себе отрицательные действия данного явления.

Таким образом, на наш взгляд, в случае совершения заведомо ложного сообщения об опасности от имени другого лица с использованием его персональных данных, позволяющих идентифицировать данное лицо, стоит обращать внимание на возможность квалификации такого деяния не только по ст. 340 Уголовного кодекса Республики Беларусь, но и по ст. 203¹ (при доказанности наличия существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина).

Воробьева С. В.

НАЛИЧНОСТЬ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ПРАВОМЕРНОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Воробьева Светлана Викторовна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, svetlanavorobiev@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Дубко М. А.

Право на необходимую оборону – неотчуждаемое, самостоятельное и неотъемлемое право каждого человека, принадлежащее ему от рождения. Однако для его правомерности необходим ряд определенных условий. Одним из таких условий является наличие посягательства.

Под наличием посягательства понимают время существования права на необходимую оборону или время существования посягательства, дающего право на необходимую оборону. Наличие как условие правомерности необходимой обороны не выражено в законе, однако оно следует из текста ст. 34 Уголовного кодекса Республики Беларусь и, прежде всего, из условия необходимой обороны, состоящего в общественно опасном посягательстве, которое всегда протекает во времени и имеет начальный и конечный моменты.

В науке уголовного права существуют различные точки зрения по поводу начала и окончания существования права на необходимую оборону. Наиболее распространенная отражена в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств». Поскольку в законодательстве Республики Беларусь нет соответствующего акта, то на основании Закона Республики Беларусь от 28 мая 1999 г. № 261-З можем утверждать, что данное постановление может применяться и в настоящее время. В нем закрепляется, что состояние необходимой обороны возникает не только в самый момент общественно опасного посягательства, но и при наличии реальной угрозы нападения. И многие авторы данной точки зрения придерживаются.

Одной из проблем института необходимой обороны является вопрос начала существования права на необходимую оборону, поскольку существует точка зрения, согласно которой началом существования права на необходимую